

на пакете значится имя Кийе, тот сказал: «Эка важность, кому это адресовано: г-ну де Бюльону или врачу вашего друга! Ведь держать ответ придется вам», — и сунул письмо ему в руку. Тот потом передал его Кийе и просил его с весьма сокрушенным видом (ибо опасался, как бы все это не дошло до Бюльона) посоветовать своим друзьям, чтобы они, адресуя письма в те места, где пребывает Двор, не писали в них ничего такого, что может быть отнесено к другому лицу. Ежели бы отец мой узнал обо всем этом и его дела потом приняли бы в расстройство, он непременно стал бы уверять меня, что всему виною мои стихи.

В ту пору Кардинал как-то сказал, смеясь и указывая на Кийе, который родом из Шипона: «Видите этого человечка? Он родственник Рабле и, подобно ему, врач». — «Я не имею чести, — отозвался Кийе, — быть родственником Рабле». — «Но, — возразил Кардинал, — не будете же вы отрицать, что вы из того же края, что и Рабле». — «Признаюсь, Монсеньер, что я из края Рабле, — откликнулся Кийе, — но край Рабле имеет честь принадлежать Вашему Высокопреосвященству».

Мюло

Сказано это было довольно смело, но некий г-н Мюло из Парижа, которого Кардинал сделал каноником Сент-Шапель, говорил с ним еще смелее. По правде говоря, Кардинал был весьма обязан этому человеку; ибо в ту пору, когда Кардинал был сослан в Авиньон,⁵¹ Мюло продал все, что у него было, и привнес ему три-четыре тысячи экю, в коих тот весьма нуждался. Ничто так не претвило г-ну Мюло, как то, что его называли Капелланом Его Высокопреосвященства. Однажды Кардинал, желая позабавиться, ибо он нередко даже шекотал себя, чтобы засмеяться, притворился, будто получил письмо, на котором значилось: «Господину Мюло, канонику Его Высокопреосвященства», — и отдал ему это письмо. Мюло вскипел и заявил во всеуслышанье, что тот, кто так написал, — глупец. «Ого! — воскликнул Кардинал, — а ежели это сделал я?». — «Ежели это сделали бы вы, — ответил Мюло, — это была бы не первая ваша глупость». В другой раз он стал укорять Кардинала, что тот не верит в бога и признался ему в том на исповеди. Однажды Кардинал велел подложить ему тернии под седло, и не успел бедный Мюло сесть на лошадь, как седло нажало на тернии и лошадь, почувствовав уколы, стала так сильно брыкаться, что славный каноник чуть не сломал себе шею. Кардинал смеялся, как сумасшедший; Мюло удается слезть с коня; кляня негодованием, он подходит к Кардиналу: «Вы злой человек!». — «Молчите, молчите! — отвечает Его Высокопреосвященство, — вот я велю вас повесить: вы разглагольствуете тайну исповеди». У этого г-на Мюло был такой нос, по которому сразу было видно, что его хозяин не гнушается вином. И в самом деле, он до того любил его, что не мог воздержаться от едких упреков по отношению к тем, у кого не водилось хороших вин; подчас, пообещав